

Из истории науки

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20170107

Е.В. Афонасин

АНТИЧНЫЕ ВРАЧИ О ЗДОРОВЬЕ И ПРИЧИНАХ БОЛЕЗНЕЙ*

В статье рассматривается эволюция представлений о природе здоровья и причинах заболеваний в античной медицинской традиции от ранних натурфилософских спекуляций до попыток Галена обобщить и систематизировать накопленный опыт. Ранние теории рассматриваются на материале Лондонского анонимного папируса. Основной текст Галена – «О различениях заболеваний» (*De morborum differentiis*, VI.836–880 К.). Основное внимание уделено вопросу о том, каким образом определение здоровья как состояния, согласного с природой, а болезни – как противоположного состояния, повлияло на определение того, что можно назвать нормой и отклонением от нормы.

Ключевые слова: эмпирическая наука, история медицины, Филолай, Алкмеон, Гиппократ, Гален.

E. V. Afonasin

ANCIENT PHYSICIANS ON HEALTH AND CAUSES OF DISEASES

In the article, we study the evolution of Ancient concept of health and the causes of disease. We start with the earliest natural philosophers (mostly based on the *Anonymous Londinensis* medical papyrus) and conclude with a study of Galen's *De morborum differentiis* (VI.836–880 K.). Health is invariably defined as a condition, which is in accord with nature, while disease is that which is contrary to nature. Our major concern is to discuss how this definition influenced consequent distinction between 'natural' and 'non-natural', 'contrary to nature' and 'in accord with nature', and in general, norm and deviation.

Keywords: empirical sciences, the history of medicine, Alcmeon, Philolaus, Hippocrates, Galen.

* Статья публикуется в авторской редакции.

Природа – врач болезней

(Гиппократовский корпус, *Эпидемии* VI, 5, 1).

I

В позднеантичных *Медицинских определениях* (XIX, р. 457–458 Kühn [далее: К.] здоровьем называется состояние, «согласное природе», тогда как болезнь – это нечто, ему противоположное. Разумеется, отмечается далее, бывают и нейтральные состояния, однако важно понимать, что этот баланс, хотя он и естественен, очень неустойчив. Его нужно поддерживать, а в случае, если баланс уже нарушен – помогать природе его восстановить. В Гиппократовском корпусе лейтмотивом звучит тема о том, что лучший способ сохранения здоровья – это правильный режим, адаптированный к возрасту, полу, времени года и общему состоянию тела человека¹.

Главная причина утраты здоровья – нарушение природного баланса. Так, согласно автору «Древней медицины», в человеке смешаны и уравновешены самые разнообразные субстанции, соленые, горькие, сладкие, кислые и т. д., и пока они компенсируют друг друга, они не вызывают страдания, но как только одна из них выделяется и «становится явной», она тут же вызывает страдание. Автор трактата *О природе человека* (2–4) более специфичен. По его словам, хорошее здоровье возможно тогда, когда основные «соки» организма (кровь, флегма, желтая и черная желчь) находятся в правильной пропорции в качественном и количественном отношении. Если же одна из этих жидкостей скопилась, например, в одном месте или совсем покинула другое, это вызывает страдания и болезни. Более того, по мнению ученика Гиппократа Полиба (а именно его считают автором этого трактата), если бы человек состоял только из одной субстанции, как утверждают некоторые философы, из крови, флегмы или иного элемента, то болеть в нем было бы нечему. Каждый из этих трактатов со своей точки зрения направлен против философских обобщений в ме-

¹ См., например, специальный раздел об этом в трактате Гиппократовского корпуса «О диете», а Гален в сочинении «О способе сохранения здоровья» сначала рассказывает о том, как сохранить наилучшее состояние организма, а затем – как восстановить его в случае утраты.

дицине, однако и автор сочинения «О диете», гораздо более склонный к философии, полагает, что «открыл» тот факт, что здоровье зависит от правильного питания и соразмерных физических упражнений: преобладание одного из этих факторов приводит к болезни, тогда как их «равенство» – залог здоровья. «Равенство» влажного, сухого, горячего и холодного элементов в организме обеспечивает здоровье и согласно пифагорейцу Алкмеону Кротонскому (VI в.), тогда как единоличное правление («монархия») одного из них вызывает болезнь².

Утрата равновесия чаще всего случается во время перехода, поэтому для человека особенно опасны всевозможные изменения, от резкой смены режима до неожиданной смены погоды. По этой же причине опасны такие пограничные состояния, как роды, взросление, старение или, напротив, очень интенсивные тренировки атлета. Именно в это время человека обычно настигает болезнь – уверен автор трактата «О воздухах, водах и местностях». Другие гиппократики согласны с ним³. Конечно, «перемена может пойти на пользу, при условии, что она произведена правильно и безопасно», – говорит тот же автор (*О диете при острых болезнях* 8), в то же время отмечая, что иногда даже сохранение вредного режима может быть полезнее радикального изменения в питании или образе жизни. О спасительности привычки пишет Гален в небольшом специальном трактате⁴.

Здоровье относительно, и хороший врач наблюдает признаки приближающейся болезни задолго до ее наступления. Так, автор трактата *О диете* (3.69 сл.) подробно описывает изменения состояния человека, у которого пища преобладает над физическими упражнениями. Точный и ранний прогноз важен для античного врача, так как со многими опасными болезнями древняя медицина бороться была еще не в состоянии и врачу оставалось только наблюдать за их протеканием⁵.

² О нем и других пифагорейцах подробнее см. ниже.

³ Ср. *О диете при острых болезнях* 4, где говорится, что даже переходить с двухразового питания на трехразовое может быть опасным.

⁴ *De bono habitu*. Об этом же пишет цитируемый Галеном александрийский медик Эрасистрат, который пишет не только о физических привычках, но и, например, привычке к размышлениям (без которой мозг быстро устает). Подробнее об этом см. Жуана 1997, 363 сл.

⁵ См. многочисленные описания историй болезней (в основном, «лихорадок») в гиппократовских *Эпидемиях*.

II

В том, что болезнь как состояние «противное природе» должна иметь причину, обычно не сомневаются. Здоровье может быть утрачено случайно или по чьей-либо вине, болезнь может быть послана богом в качестве наказания и т. д., однако для врача важнее всего понять, имеются ли естественные причины болезни и, если да, то можно ли их устранить. Досократические философы, как мы видели, были склонны к догматизму, тогда как критикующие их врачи предпочитали более эмпирический подход.

Упомянутый выше пифагореец VI в. Алкмеон из Кротона придерживался, как сообщает доксограф (фр. 4 Diels–Kranz), мнения о том, что здоровье сохраняется благодаря «равноправию» (ἰσωνομία) таких свойств, как влажное / сухое, холодное / горячее, горькое / сладкое и т.д., тогда как власть одного из них (μοναρχία) неизбежно влечет за собой гибель всего организма, подобно тому, как тирания одного разрушает здоровую жизнь общества. Конечно же, эта аналогия имеет пифагорейское происхождение. Болезнь, продолжает наш автор, «случается из-за избытка тепла или холода, а через них – из-за избытка или недостатка питания» в крови, теле и мозге (αἷμα ἢ μὲλὸν ἢ ἐγκέφαλον). При этом иногда болезнь обусловлена и внешними причинами, такими как особенности воды и местности. Ее может также спровоцировать, к примеру, усталость. Наконец, она может случиться в силу необходимости. Так что «здоровье – это соразмерная смесь качеств» (τὴν δὲ ὑγείαν τὴν σύμμετρον τῶν τοιῶν κρᾶσιν).

Теории о причинах болезней развиваются Кротонцем Филолаем, Локрийцами Филистионом и Тимеем и некоторыми другими ранними греческими врачами и философами. О разнообразии мнений, высказанных по этому поводу, мы узнаем исключительно благодаря анонимному Лондонскому папирусу⁶, тогда как пифагореец Тимей для нас не более,

⁶ Доксографический раздел этого папируса, датируемого II в. н. э., приписывается ученику Аристотеля Менону, который, как известно из других источников, был автором «мнений медиков» (Гален, Комментарий к *О природе человека* Гиппократа XV.25 К.). Перед этим разделом идет подборка медицинских определений, извлеченных из другого источника и написанных под влиянием стоицизма, а сразу после записи мнений 20 медиков о причинах болезней (которые нас в данный момент и интересуют) расположена еще одна доксографическая подборка о физиологии, должно быть эллинистического периода (самый поздний из упоминаемых авторов, Александр Филалет, жил ок. 300 г. до н. э.). Впервые папирус опубликован Дильсом (Diels 1893). См. также Jones 1947.

чем литературный персонаж, выведенный Платоном в одноименном диалоге.

Филолай⁷ считал, что наши тела состоят из «тепла» (θερμὸν) и не причастны «холоду» (ψυχρὸν), что доказывается тем фактом, что «сперма теплая, а именно она создает живое существо; и место, куда оно помещается, матка, еще теплее и подобна ему». Затем, на основании общего принципа, согласно которому «нечто и подобное ему обладают схожими способностями» доксограф делает вывод, что так как то, что создает тело и то, в чем оно создается, не причастны холоду, то и само тело должно быть теплым и, прежде чем перейти к вопросу о причинах болезней, сообщает, что, согласно Филолаю, вдыхаемый после рождения холодный воздух призван охладить слишком горячее тело: он втягивается извне и затем возвращается назад, «словно берется в долг». На первый взгляд, Филолай принадлежит к числу философов, критикуемых Полибом в трактате *О природе человека* за то, что они сводят эту самую «природу» к какому-нибудь одному элементу, однако ни в этом, ни в каком-либо другом трактате Гиппократовского корпуса тепло не называется единственным конституирующим элементом. Вероятно, это верно и в нашем случае. Карл Хаффман (Huffman 1993, 231 сл., 294–296) удачно интерпретирует это сообщение в более широком контексте. Мы знаем, что в центре космоса Филолай помещал «мировой очаг», Гестию, а на следующем этапе космогонии время, дыхание и пустота «вдыхались» из беспредельного (Аристотель, *О небе* 293а и Стобей, *Эклоги* 1.18.1с = Аристотель, фр. 201 Rose). Из этого сопоставления становится ясно, что в первой части нашего фрагмента Филолай пишет об эмбриологии, процесс развития и рождения ребенка сравнивая с возникновением и оформлением космоса⁸.

Развитию недугов способствуют «перегрев, переедание и переохлаждение» (ὕπερβολὰς τε θερμασίας, τροφῆς, καταψύξεως), то есть уже знакомые нам избыток и недостаток «тепла»⁹. Однако подлинными источниками болезней, согласно Филолаю, оказываются три жидкости: кровь,

⁷ Менон, Анонимный Лондонский папирус 18.8–49, A 27 Diels–Kranz. Подробное исследование фрагмента: Huffman 1993, 289–306.

⁸ Вероятно, простое наблюдение того факта, что организм сохраняет тепло даже при охлаждении окружающей среды, также убеждало Филолая в том, что тепло – это нечто присущее живому существу.

⁹ Различные продукты питания, по распространенному в античности мнению, также либо «охлаждали», либо «согревали» организм. Следовательно, переедание – это также всегда перегрев или переохлаждение.

флегма и желчь. Кровь естественна для организма, однако иногда она сгущается, когда плоть «вдавливается внутрь» (ἔσω παραθλιβομένης), и разжижается, когда сосуды в теле «разделяются» (διαιρούμενων). Две другие жидкости вредят организму. Флегма происходит из «водной стихии, ливня» (ἀπὸ τῶν ὕμβρων) и, как отмечает доксограф, вопреки мнению большинства медиков, Филолай думает, что она не холодная, а теплая (так как восходит к глаголу *жечь*, φλέγειν), а значит, все, что причастно ей, распалается. Что касается желчи, то Филолай также придерживался необычного мнения, считая ее некой сывороткой (ἰχώρ), не имеющей отношения к работе печени¹⁰.

Согласно Филистиону (Лондонский папирус, 20.25–50), мы состоим из четырех элементов, каждому из которых соответствует одно из свойств (жар – огню, влага – воде, холод – воздуху, а сухость – земле), и болезни возникают по трем причинам: из-за самих элементов (например, если наблюдается избыток жары или влаги), из-за состояния тела (например, если по каким-то причинам затруднено дыхание) и по вине внешних обстоятельств (например, из-за ранения или резкой смены температуры окружающей среды). Благодаря Лондонскому папирусу мы узнаем, что схожих воззрений придерживались, по-видимому, Ниний Египтянин (9.37), Гиппон из Кротона (9.22), Дексипп с Коса (12.8), Петрон с Коса и некоторые другие врачи. Все они считали, что болезнь – это некий природный дисбаланс. Напротив, некоторые другие, также малоизвестные авторы, такие как книдские врачи Еврипион (4.31) и Геродик, а также Алкман из Абидоса и Тимофей из Метапонта, полагали, что болезнь обусловлена тем или иным избытком или недостатком в питании¹¹.

В целом, первая из этих позиций нашла свое классическое воплощение в платонической традиции, тогда как основным выразителем второй был, как мы узнаем из того же папируса, Гиппократ. Кратким обзором их воззрений завершим этот раздел.

¹⁰ Изначально, «ихором» называли нетленную кровь богов. Впоследствии так называлась околоплодная жидкость, гной и даже нефть. Ниже в Лондонском папирусе (20.21, A 28 Diels–Kranz) упоминается некий Петрон, который, как и Филолай, думал, что желчи «либо нет, либо она бесполезна». В целом же, позиция Филолая своеобразна и, по-видимому, ему было важно, чтобы все основные жидкости были «теплыми», то есть соответствовали исходному постулату о том, что наши тела (точнее, эмбрионы) состоят из «тепла».

¹¹ Удобную таблицу, суммирующую воззрения 14 малоизвестных врачей, упоминаемых в папирусе, составил Johnston 2006, 91.

Пифагореец Тимей¹² в одноименном диалоге Платона дает необыкновенно детальное описание природы и причин болезней, слишком техническое, чтобы быть изобретением философа. Скорее всего, Платон воспользовался современными ему медицинскими сочинениями. Первая и наиболее фундаментальная причина всех болезней нам уже известна: наше тело состоит из четырех первоэлементов и его здоровье напрямую зависит от их баланса: как только возникает избыток или недостаток одного из них, если, к примеру, одна часть перемещается со своего места в чужое или принимает в себя нечто неподобающее (прохладное разгорячается, сухое набухает и т. д.), так сразу же возникают болезни (*Тимей* 82a сл. и 86a).

Однако далее «для любознательных» Платон приводит и другие объяснения причин болезней (82e сл.). В первой из этих теорий болезнь связывается с «порчей крови» различными посторонними жидкостями. Сгущаясь кровь создает мышцы, сухожилия и другие части тела. Из мышц и сухожилий затем выделяется некое «клейкое и жирное вещество», приклеивающее кости к плоти и способствующее ее росту, тогда как «чистейшая часть» этого вещества просачивается через массу и орошает мозг (82c–d). Если же, по каким-либо причинам, плоть вновь рассечется (τηκομένη σάρξ ἀνάπαλιν) и жидкость проникнет назад в жилы (εἰς τὰς φλέβας τὴν τηκεδὸνα ἐξῆϊ), то они заполнятся как пневмой (πνεῦμα), так и различными вредными веществами, различного цвета и горечи (χρόμασι καὶ πικρότησι ποικιλλόμενον), а также остроты и солёности (ὀξύτητας καὶ ἄλμυραῖς), которые затем идентифицируются с известными нам из Филолая желчью, ихором и флегмой (χολὰς καὶ ἰχῶρας καὶ φλέγματα). Все эти вещества возникают «в обратном порядке» по сравнению с развитием организма (то есть представляют собой этапы его распада), находятся в «разладе» друг с другом (что нарушает природный баланс), не доставляют телу никакого питания и, прежде всего, губительно действуют на саму кровь (82e–83a). Далее Платон сообщает, что всевозможные жидкости подобного рода врачи называют «желчью», в зависимости от ее вида, желтой, черной, острой и т. д. «Ихор» (сыворожка) черной и острой желчи называется едкой флегмой, тогда как в результате распада мягкой плоти под воздействием воздуха возникает пенная жидкость, называемая белой флегмой. Водянистая часть этой

¹² Сведения о самом пифагорейце очень фрагментарны, а сочинение *О природе космоса и души*, ему приписываемое, является позднейшим подражанием. Подробнее см. Афонасин 2013.

флегмы – это пот, слезы и т. д. (83а–е). Следом идет, также упоминаемая Филолаем, еще более губительная альтернатива: распадающуюся плоть иногда еще можно восстановить, однако если ей на смену приходит чрезмерное уплотнение мышц, вызывающее «задыхание» и «перегрев» костей, то это грозит полным и необратимым разрушением костной ткани. Хуже этого может быть только болезнь, поражающая, из-за недостатка питания, мозг (84е–с).

Другая теория возникновения болезней предполагает комбинацию трех причин. Источниками заболевания могут стать дыхание, флегма или желчь. В первом случае причиной болезни является неправильная работа легких, которые, как считали все древние врачи, предназначены для охлаждения организма. Платон говорит, что нарушения эти в основном связаны с засорением проходов для воздуха мокротами. Пенистый гной он, вероятно, также связывал с воздухом, проникающим из легких в кровеносные сосуды (84d–e). Именно поэтому, видимо, опасны пузырьки воздуха, заключенные в белой флегме: когда эта жидкость заперта внутри организма, она вызывает болезни, а прорываясь наружу становится причиной различных кожных лишаев и т. д. (85а). Если же она смешивается с черной желчью и вторгается в область головного мозга, то становится причиной «священной болезни», эпилепсии (85а–b). В целом же желчь вызывает различные воспаления внутри тела и нарывы, если прорывается наружу. Механизм этого заболевания описывается очень детально. Приведем этот примечательный пассаж полностью:

«Напротив, так называемые воспаления различных частей тела, именуемые так от горения и опаливания, все обязаны своим возникновением желчи. Если желчь обретает через отдушины тела путь наружу, она в своем кипении порождает всевозможные нарывы; заключенная внутри, она производит множество воспалительных недугов, и притом самый тяжелый из них тогда, когда примешивается к чистой крови и нарушает правильное соотношение кровяных волокон. Эти волокна рассеяны по крови для того, чтобы поддерживать равновесие между разреженностью и плотностью: кровь не должна ни разжижаться от горячего настолько, чтобы просочиться через вены, ни сгущаться сверх должного и этим мешать собственному бегу по жилам. К тому, чтобы блюсти эту меру, волокна предназначены уже самым своим рождением. Если извлечь их даже из холодеющей крови мертвеца, весь остаток крови разлагается; напротив, если оставить их, они быстро свертывают кровь, оказавшись в союзе с обступившим ее холодом. Таково действие кровяных волокон; они оказывают его и на желчь, которая по своему

происхождению являет собой старую кровь, а потом снова становится кровью из плоти. Когда теплая и разжиженная желчь сначала лишь понемногу поступает в жилы, она терпит под действием волокон свертывание и насильственное охлаждение, производя в недрах тела озноб и дрожь. Но стоит ей нахлынуть обильнее, она одолевает волокна своим жаром и, вскипев, приводит их в полный беспорядок; если же сил ее достанет на окончательную победу, она проникает до самого мозга и палит его, как бы сжигая корабельные канаты отчаливающей на волю души. Когда же, напротив, она оказывается слабее, а тело в достаточной мере сопротивляется ее разлагающему действию, поражение достается ей, и тогда она либо распространяется по всему телу, либо бывает отброшена по жилам в верхнюю или нижнюю часть брюшной полости и затем извергнута вон из тела, словно изгнанник из волнуемого смутой города. При своем удалении она производит кишечные расстройства, кровавые поносы и прочие недуги этого рода» (*Тимей* 85с–е, здесь и далее пер. С.С. Аверинцева).

Наконец, Платон обращается к душевным недугам, которые, по его словам, также возникают из телесных ощущений. Из-за слишком сильных эмоций человек нередко утрачивает способность трезво мыслить, а сильные желания помрачают ум. Так, если мозг «рождает в избытке струящее семя», то человека постоянно терзает сексуальное желание, удовлетворение которого, впрочем, приносит много удовольствия. Люди подобное состояние склонны объяснять моральной распущенностью, «на деле же любовная необузданность есть недуг души, чаще всего рождающийся по вине одного-единственного вещества, которое сочится сквозь поры костей и разливается по всему телу» (86d).

В заключение Платон вновь обращается к пифагорейской идее баланса и соразмерности и его вывод звучит очень современно и убедительно:

«Когда стоит вопрос о здоровье и болезни, о добродетели и пороке, нет ничего важнее, нежели соразмерность или несоразмерность между душой и телом как таковыми. Но мы не задумываемся над этим и не понимаем, что, когда могучая и во всех отношениях великая душа восседает как бы на колеснице слишком слабого и хилого тела, или когда равновесие нарушено в противоположную сторону, живое существо в целом не прекрасно, ибо ему не хватает соразмерности как раз в самом существенном; однако, когда в нем есть эта соразмерность, оно являет собою для каждого, кто умеет видеть, самое прекрасное и отрадное из всех зрелищ» (87с–d).

«Когда входящая в состав [живого организма] душа слишком сильна для тела и притом яростна, она расшатывает тело и наполняет его изнутри недугами; самозабвенно предаваясь исследованиям и наукам, она его истощает; если же ее распаляют задором и честолюбием труды учительства и публичные или частные словопрения, тогда она перегревает тело, сотрясает его устои, вызывает истечения и притом вводит в обман большинство так называемых врачей, понуждая их винить в происходящем неповинное тело. Напротив, когда большое, превосходящее душу тело соединяется со скудными и немощными мыслительными способностями, то, поскольку людям от природы даны два вида вожелдений – телесное вожелдение к еде и божественнейшее в нас вожелдение к разуму, – порывы более сильной стороны побеждают и умножают собственную силу, а душу между тем делают тупой, непонятливой и забывчивой, навлекая на человека невежество, этот злейший из всех недугов» (87е–88а).

Со ссылкой на Аристотеля в Лондонском папирусе (кол. 5.36–6.40, с сокращениями) приводится следующее примечательное описание причин болезней, не находящее прямого соответствия ни в одном трактате Гиппократовского корпуса:

«Гиппократ говорит, что причинами болезней являются ветры (газы, метеоризм, φύσας)... Из-за обилия принимаемой пищи, или из-за ее разнородности, или же из-за того, что она слишком грубая и не переваривается, случается, что в желудке образуются [не переваренные] остатки (выделения, περισσώματα), ведь если в желудок поступило слишком много пищи, то теплота, призванная вызвать пищеварение (ἡ ἐνεργουῦσα τὴν λέψιν θερμότης), обилием этой еды подавляется и обеспечивать пищеварение более не в силах (οὐκ ἐνεργεῖ τὴν λέψιν). Из-за этого затруднения и возникают остатки. Если же принимаемая пища разнородна, то она вступает в спор с животом (στασιάζει ἐν τῇ κοιλίᾳ πρὸς ἑαυτά), и во время этого спора происходит превращение ее в остатки (μεταβολὴ εἰς περισσώματα). Если же, наконец, она плохо усваивается (δυσκατέρευστα) даже в малых количествах, то по причине этой плохой ее усвояемости она также превращается в остатки. Из остатков выделяются (ἀναφέρονται) ветры, которые, поднимаясь вверх (ἀν[ε]νεχθεῖσα), вызывают болезни...¹³ Итак, образовавшиеся остатки порождают ветры,

¹³ Рассуждение о ветрах прерывается замечанием о «пневме»: «По его мнению пневма (πνεῦμα) – это самое необходимое и важное в нас, поэтому здоровье обеспечивается свободным ее течением (εὔροον), тогда как болезнь связана с затрудненным течением (δύσροον) [пневмы]...»

которые, поднимаясь как пар ((ἀναθυμιαθεῖσαι)), приводят к болезням. Из-за различных ветров возникают различные болезни: если их много, наступает болезнь, если слишком мало, то они также приносят болезни. В целом же, болезни случаются из-за изменений остатков ((παρά τε τὴν μεταβολὴν τῶν φεσῶ(ν))), а изменения эти двойки и состоят либо в чрезмерном нагреве (τὸ ὑπερμετρον θερμὸν), либо в чрезмерном охлаждении (τὸ ὑπ[έ]ρμετρον ψυχρόν). И какова причина изменения, такова и болезнь».

III

Как видим, древние врачи и философы высказывали самые разнообразные мнения о причинах возникновения болезней, эллинистические и раннеримские врачи также включились в эту дискуссию. Однако для Галена вопрос представляется решенным:

«Из каких бы начал не состоял мир, в живых организмах это жидкость, как сезон в ходе измерения времени... Мир состоит из таких начал: воздух, огонь, вода и земля; сезоны, составляющие год, таковы: весна, лето, зима и осень; жидкости, из которых состоят животные и люди, таковы: желтая желчь, кровь, флегма и черная желчь.

Жидкости связаны с влагой и теплом, сухостью и холодом. Так, кровь, воздух и весна влажные и теплые (хотя некоторые могут не согласиться относительно воздуха), желтая желчь, лето и огонь теплые и сухие, черная желчь, земля и осень сухие и холодные, а флегма, вода и зима холодные и влажные...

Жидкости и сезоны согласны и не согласны друг с другом, образуя то, что можно называть несогласной смесью...

Одна жидкость может претерпеть изменение и стать другой под воздействием таких факторов, как тепло, время, место, возраст или диета. Например, летом доминирует горькая желчь, в особенности у тех, кто склонен к такому состоянию из-за возраста, конституции, диеты или же внешних обстоятельств. Основными причинами появления желтой желчи считаются эмоциональные расстройства, гнев, душевная травма, тяжёлый труд и физические упражнения, бессонница, воздержание от пищи или голод. Флегматическую желчь порождает сон, питье воды, употребление пищи морского происхождения и, в целом, влажная диета наряду с грубой пищей, состоящей из крупных частиц. Кровь порождает мясо, дичь, яйца и другая пища, цельная и легко приготавливаемая, если,

конечно, что-нибудь ее не изменит. То же самое можно сказать и о черной желчи, однако обстоятельства, с ней связанные, сложнее¹⁴.

Кровь возрастает в детстве, поэтому дети веселятся и склонны к играм. Желтая желчь доминирует у подростков, вызывая гнев и сексуальное желание... тогда как затем появляется черная желчь, худшая из жидкостей... а в старости доминирует флегма, способствующая развитию медлительности, потери памяти и летаргии. Это потому, что старость сырая и холодная, детство сухое и горячее, юность горячая и влажная, тогда как взрослое состояние характеризуется подходящим и наилучшим сочетанием жидкостей¹⁵.

Происхождение, развитие и движение жидкостей таково: кровь находится в печени, венах и ноздрях, желтая желчь – в мочевом пузыре, области вокруг печени и в ушах, флегма – в желудке, мышцах живота и во рту, а черная желчь располагается под печенью, в селезенке и в глазах.

Что касается их цвета, то кровь красная, флегма белая, тогда как желтая желчь бывает семи цветов..., а черная желчь – оливково-черная. На вкус кровь сладкая, желтая желчь горькая, черная желчь резкая, а флегма – неопределенного вкуса, но может быть соленой, острой или сладковатой... кровь и флегма плотные, как и черная желчь. Желтая желчь тонкая, легкая и держится на поверхности.

Очевидно, здоровье обусловлено равенством и симметрией этих жидкостей, а болезнь случается тогда, когда наблюдается избыток или недостаток, вопреки тому, что обычно наблюдается по количеству, качеству и положению, а также из-за неупорядоченного сочетания или какого-нибудь гнилостного разложения...

Жидкости одновременно и причины, и симптомы болезней: первые имеют внешнее происхождение, вторые – через избыток и недостаток, согласно возрасту, времени и воздействию диеты, особенно когда все это радикально изменяется...» (*О жидкостях*, XIX, р.485–496 К.).

Несколько выдержек из краткого трактата Галена *О жидкостях* отчетливо показывает, что ко второму веку н. э. в теории о причинах болезней окончательно победил схематизм, совершенно бесполезный с практической точки зрения. К счастью, разбирая конкретные болезни,

¹⁴ Гален написал специальную работу *О черной желчи*.

¹⁵ Ср. также такую схему, которую Гален развивает в сочинении о неровном и плохом темпераменте (букв. смешении, *κράσεις*) (VII.733 К.): обычные плохие темпераменты возникают из-за перегрева, пересыхания, переувлажнения и переохлаждения тела, тогда как нервные плохие темпераменты – это их комбинация, когда, к примеру, переохлажденное тело еще и намокает.

Гален не слишком сильно ими увлекается, в то же время в самом конце трактата критикуя тех, кто пытался объяснять свойства жидкостей только по их цвету. На самом деле, жидкости могут очень сильно отличаться по происхождению, цвету, вкусу и запаху, настаивает Гален. Подробно описывая свойства черной желчи в одноименном трактате он отмечает, что научился различать жидкости у своего учителя Пелопса в возрасте двадцати лет и с тех пор никогда не пренебрегает такими исследованиями. В частности, черная желчь может возникать как в результате перегрева желтой желчи, так и по другим причинам¹⁶, визуально она может не отличаться от густой крови, однако в отличие от последней не свертывается и т. д. (*О черной желчи* V, р.104 sq. К.).

Ярким противником стандартной теории жидкостей был, по словам Галена, александрийский врач Эрасистрат, который в цитируемой Галеном «Общей теории (καθόλου λόγων) желтой желчи» признавал, что жидкости играют важную роль в жизни организма и важны для диагностики болезней, однако ничего не писал о черной желчи и, в целом, по видимому не связывал жидкости со свойствами пищи: «Эрасистрат признает, что болезни вызываются такими жидкостями, однако постоянно сомневается по поводу причин болезней. Так, он отрицает, что плотные и густые жидкости вызывают паралич...» (с. 118 сл. К.). Из цитаты, которую далее приводит Гален, видно, что в данном случае Эрасистрат подробно описывал симптомы болезни (приток жидкости в легкие), однако отказывался делать окончательный вывод о «конечной» причине заболевания, замечая лишь, что «эта жидкость выводится с трудом». Ниже он отмечает, что в отличие от «древних докторов и философов, включая Гиппократов» неназванные «современные доктора, следующие философским школам», решили, что «врачу не следует беспокоиться о жидкостях, добавляя, что очищающие средства очищают все без исключения, воздействуя на все жидкости в организме, а не только на те, что ему вредят» (с. 127 К.). Наверное, здесь Гален имеет в виду того же Эрасистрата, к которому он затем снова возвращается (с. 136 сл. К.). Де-

¹⁶ Например, «если черная желчь обособляется, она тут же вызывает черную опухоль, называемую раком, очень болезненную и зловредную. Если же она возникает в умеренном количестве, она проникает через кожу и становится причиной скрытого рака, создающего невидимые раны. Очевидно, что подобные болезни, в особенности рак, происходят от черной желчи, причем видно, что вены проявляются вокруг пораженной части тела, так как они абсорбируют плотную черную жидкость. И это потому, что природа постоянно стремится очищать кровь, выделяя из нее все вредное и выводя его из жизненно важных частей тела, иногда через желудок и кишечник, а иногда через кожу» (*О черной желчи* V.117 К.).

тали этой полемики здесь неуместны, однако важно отметить, что проблема черной желчи вызывала такие дискуссии не случайно: многие признавали, что, в отличие от других жидкостей, черная желчь не вырабатывается в одном конкретном органе, упоминается она лишь в немногих трактатах Гиппократовского корпуса, а, следовательно, факт ее существования устанавливается по косвенным признакам и не исключено, что в конкретных случаях за черную желчь принимают каждый раз разные жидкости¹⁷.

Четырехчастную схему Гален развивает и в своей классификации болезней, выделяя четыре простых и четыре составных (τέτταρα μὲν ἀπλά, τέτταρα δὲ σύνθετα) типа болезней, из которых одни возникают по причине избытка или недостатка тепла или влажности и т. д., а другие – в силу комбинации этих причин, например, холода и сухости одновременно (*О причинах заболеваний (De causis morborum) VII.1–2 К.*). При этом, «...всякая болезнь тела, подобочастного (ὁμοιομεροῦς) и простого с точки зрения чувственного восприятия, – это либо плохое смешение (темперамент, δυσκρασία), либо нарушение непрерывности в ее частях (ἢ τῆς συνεχειᾶς αὐτοῦ τῶν μερῶν διαίρεσις). Если же, как думают некоторые, [тело] не цельное и некоторые пустоты (κενόν) влетаются в телесную целостность, то причиной болезни будет либо несоразмерность пор (ἄμετρία τε πόρων), либо утрата воспринимаемого единства (λύσις τῆς αἰσθητῆς ἐνώσεως)».

Рассмотрим, например, случай избыточного тепла (с. 4–10)¹⁸. Гален говорит, что перегрев может случиться из-за интенсивных движений, из-за гниения, от прикосновения к более горячему телу, из-за сжатия (ἐκ στεγνώσεως) или из-за принятия разогревающей пищи. Если, например, в процессе физических упражнений или работы разогреваются лишь мышцы, то избыточное тепло удаляется из них, не распространяясь по всему телу, вызывая усталость. В противном случае, распространяясь по всему телу, оно вызывает жар и лихорадку. Аналогичный эффект может вызвать распространяющаяся по всему телу боль. Гниение – это, разумеется, различные местные воспаления. Если же тепло передается от одного тела к другому и случается «неправильное

¹⁷ В общем-то, так оно и оказалось, и сейчас о черной желчи напоминает лишь название психологического состояния, меланхолия и, соответственно, один из четырех типов «темперамента» (сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик).

¹⁸ Здесь дается лишь краткая сводка. Во всех деталях болезни, возникающие от перегрева, Гален разбирает в трактате *О медицинском методе IX.599–660 К.*

смешение» внешнего тепла с «внутренним»¹⁹, то подобного рода перегрев может привести, например, к тепловому удару. Серьезное переохлаждение вызывает сжатие кожи, что приводит к закупорке пор в теле, так что внутренние испарения (источником которых является внутреннее тепло) чрезмерно разогревают организм. Мы уже встречали это объяснение (ср. Гиппократовский корпус, *О пище* 28). Наконец, пища, например, чеснок или горячий напиток, также могут перегреть организм. Затем Гален разбирает «сухие», «влажные» и «холодные» болезни, а ниже в том же трактате (с. 21 сл. К.) упоминает и об «аномальных неправильных смешениях» (*ἀνώμαλος δυσκрасία*), когда тело может быть одновременно и пересушенным, и слишком влажным (разумеется, не в одном и тот же месте)²⁰. В заключение раздела вновь упоминаются свойства жидкостей (с. 22 сл. К.), однако они далее никак не связываются с подробно обсуждаемыми причинами болезней. Очевидно, «гуморальный» схематизм имеет ограничения даже у Галена.

Болезни второго типа поражают части тела как целое, когда нарушается природная гладкость или шершавость органа, разрушается, сужается или срастается проход, или какой-нибудь орган развивается неправильно (например, происходит ожирение, истощение, паралич одной части) и т. д. (с. 26 сл. К.).

Последний тип болезней касается как подобочастных частей тела, так и отдельных органов, и связан с формами «утраты единства». К ним относятся, например, переломы костей, раны и, вообще, различные разрывы (*ρήγμα*) и спазмы (*σπάσμα*) (с. 37 сл. К.):

«Всевозможные причины всех этих родов болезней обусловлены либо внешними воздействиями, либо внутренними свойствами самого тела (*τὰ μὲν ἔξωθεν ὀρμάται, τὰ δὲ ἐξ αὐτοῦ τοῦ σώματος*). Внешние связаны с ранениями и переломами, а телесные вызваны излишним или беспорядочным движениями самих живых существ или различными ненормальностями в самих жидкостях, способными вызвать распад (*ὑγρῶν μωθῆρία διαβιβρώσκειν τεφροκῖται*)» (с. 40–41 К.).

«Таковы, – заключает Гален, – причины болезней, общие для всех частей, как простых и первичных, называемых подобочастными, так и тех, что созданы из них и называются органами или тем, что выступает в качестве органов (*ὄργανικὰ*)» (с. 41 К.).

¹⁹ Идею «внутреннего тепла» Гален развивает вслед за Гиппократом (*Афоризмы* 1.14). Вполне правдоподобно и влияние Аристотеля (*Метеорология* 355b, 379a).

²⁰ Гален посвящает последней теме отдельный небольшой текст (*De inaequali intemperie*, VII.733–752 К.).

Библиография

- Афонасина, А.С.* Тимей Локрский. О природе космоса и души. ΣΧΟΛΗ (Schole) 7 (2013) 109–175.
- Жуана, Жак.* Гиппократ. Пер. с фр. Д.Н. Вальяно. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997 [на титуле указано ошибочно: Жак, Жуана].
- Руднев, В.П., пер., Карпов В.П.,* комм. Гиппократ. Сочинения, в 3-х томах. Москва, 1936–1944.
- Diels, H.* ed. Anonymi Londinensis ex Aristotelis Menoniis et aliis medicis eclogae. Berlin: G. Reimer, 1893.
- Diels, H., Kranz, W.,* hrsg. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1959.
- Huffman, C.* Philolaus of Croton. Cambridge: University Press, 1993.
- Johnston, Ian.* Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge: University Press, 2006.
- Jones, W.H.S.* The Medical Writings of Anonymus Londinensis, Cambridge: University Press, 1947.
- Jouanna, Jacques.* Hippocrate. Paris, 1992.
- Kühn, C.G.,* ed. Claudii Galeni opera omnia. Leipzig, 1821–1833.

References

- Afonasina, A.S.* (2013). Timaeus of Locri. On the Nature of Cosmos and Soul. ΣΧΟΛΗ (Schole), 7, 109–175.
- Jouanna, J.; D.N. Valyano (Transl.).* (1997). Hippocrates. Rostov-on-Don, Feniks Publ. (there is a mistake on the title page: Jacques, Jouanna). (In Russ.).
- Rudnev, V.P. (Transl.) & V.P. Karпов (Comment.).* (1936–1944). Hippocrates. Sochineniya v 3 tomakh. [Hippocrate. Works in 3 volumes]. Moscow.
- Diels, H. (Ed.).* (1893). Anonymi Londinensis ex Aristotelis Menoniis et aliis medicis eclogae. Berlin, G. Reimer Publ.
- Diels, H. & W. Kranz (Hrsg.).* (1959). Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin.
- Huffman, C.* (1993). Philolaus of Croton. Cambridge University Press
- Johnston, I.* (2006). Galen. On Diseases and Symptoms. Cambridge University Press.
- Jones, W.H.S.* (1947). The Medical Writings of Anonymus Londinensis. Cambridge University Press.
- Jouanna, J.* (1992). Hippocrate. Paris.
- Kühn, C.G. (Ed.).* (1821–1833). Claudii Galeni opera omnia. Leipzig.

Информация об авторе

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2); Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: afonasin@gmail.com)

Information about the author

Afonasin Evgeniy Vasilyevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); Institute of Philosophy and Law, SB RAS (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: afonasin@gmail.com)

Дата поступления 10.01.2017